Виктор Визгин

Герметическая традиция и научная революция: к новой интерпретации тезиса Фрэнсис А. Йейтс

Victor Vizgin — Leading Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science, Moscow, Russia. kfomina@yandex.ru

The article covers the so called Thesis of Frances Yates, concerning the «hermetical key» to understanding of the Scientific Revolution. The author shows historians' attitude to Yates's Thesis and assumes, that in general it depends on what exactly these historians study — the history of science or the history of culture. Also the article shows the role of metahistorical orientation of historians in their attitude to Yates' Thesis. The author pays attention to the positive role of Christianity in the rise of the Scientific Revolution.

Keywords: F. Yates, Scientific Revolution, Hermetical tradition, religion and science.

НАШ анализ касается структуры историографического поля проблемы роли герметической традиции (ГТ) в научной революции (НР). Литература, посвященная данному вопросу, и, особенно, дискуссия, вызванная книгой Фрэнсис А. Йейтс о Джордано Бруно, дают настолько богатый материал, что позволяют еще раз и по-новому проанализировать всю концепцию НР, предложенную выдающимся английским историком[1].

Одна из версий данной статьи была опубликована в Proceedings of the XXth International Congress of History of Science (Льеж, 20–26 июля, 1997) Volume XVIII: Alchemy, Chemistry and Pharmacy ed. by Michael Bougard. Turnhout, Belgique: Brepols, 2002. P. 61–66. Автор благодарит университет Льежа (Бельгия) за помощь в проведении этого исследования. Для настоящего издания текст обновлен.

1. Назовем лишь несколько имен авторов, чьи труды посвящены анализируемой проблеме: *N. H. Clulee, B. P. Copenhaver, A. G. Debus, P. Delpiano, A.-J. Festugière, P. J. French, E Garin, M. Gliozzi, A. R. Hall, M. Hesse, K. Hutchison, P. O. Kristeller, J. M. McGuire, E. Metaxopoulos, W. Pagel, P. M. Rattansi, P. Rossi, Ch. B. Schmitt, B. Tannier, B. Vickers, D. P. Walker, R. S. Westfall, R. S. Westman, Fr. A. Yates, P. Zambelli и другие.*

История культуры и история науки

Несомненное преимущество исторического дискурса обусловлено стратегией его построения, опирающейся на следующие вопросы: для кого и как он конструируется? Ответ на эти вопросы определяет типологию исторических дискурсов, различающихся по степени своей убедительности. Анализ дискуссий вокруг тезиса Ф. А. Йейтс о решающей роли герметизма в научной революции показывает, что кажущееся правдоподобным внутри историко-культурного дискурса не является таковым для историко-научного подхода.

В том и другом случаях мы имеем дело с различными способами аргументации. Английский историк предлагает прочтение в «герметическом» духе не только собственно интеллектуальной жизни Возрождения, но и процессов в искусстве, политике и т. д., тем самым трактуя историю в духе истории ментальностей. Читатель ее работ, обращая больше внимание на содержащиеся в них захватывающие образы и символы, а не на логику аргументации, присущую традиционной истории науки, больше не сомневается, что герметический код действительно присущ культурному посланию этой неустойчивой, переходной эпохи.

Но, в конечном итоге, действительно ли герметизм является основной тенденцией культуры Возрождения? Это, действительно, важный вопрос, поскольку сомнения остаются, даже если — подчеркнем еще раз — мы читаем работы Ф. А. Йейтс через призму истории культуры, а не истории науки.

Когда историки астрономии, механики и физики предприняли верификацию концепции, предложенной Ф. А. Йейтс, отношение к ней в большинстве случаев оказалось отрицательным. Остановимся только на двух моментах ее критики. Первое возражение касается того, что Ф. А. Йейтс недооценила концептуальную аргументацию, присущую всякой науке. Второе — практически полное игнорирование тенденций и традиций за пределами герметического круга, то есть тех, которые не «привязаны» напрямую к *Corpus Hermeticum*. Если обобщить эту критику, можно определить точку расхождения дискурсивных стратегий, присущих указанным типам истории: для историка науки (в отличие от историка культуры) его героем *a priori* является ученый. Поэтому все характеристики, которые могут быть значимы в рамках историко-культурного контекста, как бы моментально стираются, исчезают, как только ученый становится объектом историка науки.

Возьмем, к примеру, Джордано Бруно: он мог быть мистиком, неоплатоником, герметистом, магом, практикующим более чем подозрительные ритуалы, виталистом, анимистом, луллистом и т. д. и т. п. Но для историка физики он — физик. Подведем сказанному итог: хотя историко-научный подход является законным для верификации историко-культурной концепции, по крайней мере, в той степени, в какой он касается историко-научных сюжетов, однако его самого по себе нельзя считать в данном случае достаточным для того, чтобы последнее слово оставалось за ним.

Ловушка платонизма и парацельсистская поддержка: две противоположные стратегии

Стратегия, которую мы назвали «ловушка платонизма», может быть выражена словами Дж. М. Мак-Гвайра: «Герметизм не был ни независимой исторической силой, ни отдельной интеллектуальной традицией, но... практически всегда он возникал и распространялся на почве возрождения неоплатонизма. Неоплатонизм был независимой исторической реальностью, чего нельзя сказать об интеллектуальных элементах герметизма»[2]. Выраженная в этих словах критическая стратегия, направленная против истории, ставящей в центр объяснительной конструкции герметизм (*histoire hermétisante*), уже была сформулирована А. Ж. Фестюжьером: « [Из герметического корпуса] невозможно извлечь некое единое учение, которое можно было бы обозначить как герметизм»[3]. Ч. Б. Шмитт соглашается с Д. М. Мак-Гвайром, когда он говорит: «Важно подчеркнуть тот факт, что базовой структурой Герметического Корпуса (и лежащей в его основе метафизики) является неоплатонизм»[4]. Хотя Ф. А. Йейтс и не отрицает гетерогенную структуру герметического корпуса, по ее мнению, взаимосвязь между неоплатонизмом и герметизмом выражается в высказываниях, противоположных тем, которые употребляет Дж. М. Мак-Гвайр. Комментируя его интерпретацию герметической традиции как наследия легендарного Гермеса Трисмегиста, она говорит: «Я включаю в это понятие герметическое ядро нео-

2. *McGuire J. E.* Neoplatonism and Active Principles: Newton and the Corpus Hermeticum // Westman R. S., McGuire J. E. (eds.) Hermeticism and the Scientific Revolution. Los Angeles, 1977. P. 127.
3. Corpus hermeticum. 7e éd. T. 1. 1991. P. 85.
4. *Schmitt Ch. B.* Reappraisals in Renaissance Science // Studies in Renaissance Philosophy and Sciences. 1981. P. 207.

платонизма Фичино»[5]. Согласно этому утверждению, возможный положительный вклад герметической традиции в научную революцию обеспечивается именно неоплатонизмом (например, роль активных начал при построении динамики Ньютона).

Ловушка неоплатонизма, в которую рискует попасть тем самым герметико-центристский подход, уравновешивается поддержкой тезиса Ф. А. Йейтс, даваемой ему в рамках историографии идущего от Парацельса течения мысли[6]. Поэтому неудивительно, что историки химии или медицины более позитивно настроены по отношению к концепции Ф. А. Йейтс, чем их коллеги, занимающиеся такими точными науками, как математика, астрономия, физика или механика. Причина очевидна: эти дисциплины ближе к анимистической и герметической ментальности, чем к ментальности механистической или математической. Но они сыграли весьма значительную роль в научной революции в целом, что и продемонстрировали нам упомянутые историки этих наук.

Метаисторические установки

Признание или опровержение тезиса Ф. А. Йейтс обусловлено философскими позициями, которые, как правило, остаются неизменными на протяжении всей работы историка и поэтому могут быть названы метаисторическими. В историографии науки, естественно, очень сильна традиция научного рационализма. Сама дихотомия «история культуры — история науки» может быть представлена как обусловленная расхождением базовых метаисторических установок историков. А. Койре и В. П. Зубов, к которым мы обращаемся, — наиболее показательные представители традиции научного рационализма, исследовавшие науку Возрождения в связи с проблемой НР. В самом деле, анализируя космологию Д. Бруно, А. Койре сознательно оставляет в стороне склонность своего героя к витализму и магии. «Действительно, — пишет историк, — мой эскиз его космологии немного односторонний и отнюдь не полный: концепция мира Бруно виталистична и магична; его планеты — это живые существа, кото-

5. *Yates Fr. A.* Giordano Bruno and the Hermetic Tradition. Chicago, 1964. P. 448 [рус. изд.: *Йейтс Ф.* Джордано Бруно и герметическая традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2000].

6. Здесь следует отметить работы следующих авторов: *W. Pagel, A. G. Debus, Ch. Webster* и других.

рые свободно движутся в пространстве по собственному желанию, так же как и планеты Платона или Патрици»[7]. Однако, как считает Койре, влияние Бруно на научную космологию преодолевает подобные герметические рудименты его мысли, даже если они и не исчезают у него полностью. Ф. А. Йейтс, напротив, утверждает, что вклад Бруно в научную революцию огромен именно благодаря элементам герметизма.

То же расхождение метаисторических установок мы видим, когда сравниваем интерпретацию образа Леонардо у В. П. Зубова и у Э. Гарэна. В размышлениях Леонардо Зубов отмечает типично герметические моменты. Но русский историк постоянно стремится свести их значимость к минимуму: «Можем ли мы из-за этого характеризовать Леонардо как виталиста? Только с очень серьезными оговорками. Не следует забывать, что Леонардо прибегал к понятиям „душа“и «жизненная сила» всякий раз только тогда, когда не находил подходящего объяснения жизненных явлений с помощью принципов механики или когда оказывался не в силах посредством механических средств искусственно воспроизвести сложные движения и изменчивость живых существ»[8]. Кроме того, В. П. Зубов подчеркивает принципиальную разницу между Леонардо и Фичино в их отношении к значимости Солнца: «В конечном счете, — говорит он, — Солнце для Фичино было не более чем символом, направляющим его мысль к „сверхнебесному свету“. Подобная гелиософия, характерная для флорентийского платонизма, была чужда Леонардо»[9].

Эудженио Гарэн, историк культуры Возрождения, напротив, говоря о проблеме существования жизненных или духовных сил у Леонардо, решает ее совсем по-другому: «Он считал, — говорит он, — что дух есть не что иное как дыхание жизни, сила и энергия (и именно в этом смысле Леонардо называет силу духовной); и в этом находил он высокий образ „разума“, сокрытого в лоне природы как в глубокой «пещере»»[10]. Кроме того, в образе пещеры он видит влияние VIII трактата Герметического Корпуса. В противовес мнению Зубова, Гарэн говорит: «Эта кон-

7. Koyré A. Du monde clos à l'univers infini / Trad. de l'anglais par R. Tarr. 1962, рус. изд.: [*Койре А.* От замкнутого мира к бесконечной вселенной. М.: Логос, 2001].
8. *Zoubov V. P.* Le soleil dans l'oeuvre scientifique de Léonard de Vinci // Le Soleil à la Renaissance. Science et mythes. Bruxelles, Paris, 1965. P. 192.
9. Ibid. P. 182.
10. *Garin E.* La cultura filosofica del Rinascimento italiano. Ricerche e documenti. Firenze, 1979. P. 399.

цепция духовной силы имеет очень мало общего с рациональной механикой, в то время как самым непосредственным образом она связана с темой жизни и универсальной одушевленности в духе Фичино и герметизма»[11]. Позиция итальянского историка культуры в этом плане совпадает с точкой зрения Ф. А. Йейтс: «Исключительные достижения Леонардо будут, согласно гипотезе Гарэна, еще одним доказательством того, каким импульсом к новому виденью мира обладал герметизм»[12]. И несколько дальше она добавляет, что анимистическая концепция мира является основополагающей как для механики Леонардо, так и для его математики.

Такое двойственное прочтение науки Леонардо продиктовано особенностями самой его фигуры как человека эпохи Возрождения, для которого соединение магико-герметической традиции с рациональной наукой совершенно органично и естественно. Но мы усматриваем и другую причину для такого двойственного прочтения, скрытую в ментальных установках упомянутых нами историков. Отметим при этом, что все представители рационализма являются при этом историками науки, в то время как исследователи, разделяющие «иррационализм», пусть, так сказать, «слабый», являются историками культуры. Иными словами, указанное расхождение позиций вытекает из расхождения метаисторических установок. А. Койре и В. Зубов — историки науки и в то же время убежденные, можно даже сказать, «жесткие» рационалисты. А Э. Гарэн и Ф. А. Йейтс, являющиеся историками культуры, заметно менее привязаны к ценностям воинствующего и, возможно, поэтому несколько ограниченного научного рационализма. Последнее замечание, впрочем, в большей степени по понятным причинам относится к В. Зубову, чем к А. Койре.

Теперь рассмотрим другой тип характерных расхождений в обсуждаемом нами историографическом поле проблемы роли ГТ в НР. Джордано Бруно — стопроцентный герметист, согласно Ф. А. Йейтс — поражает нас как отсутствием какой-либо практической или технической ориентации в своем видении мира, так и своей смелой и поэтически выраженной концепцией множественности миров. Примечательно, в частности, отсутствие у него

11. *Garin E.* Scienza e vita civile nel Rinascimento italiano. Bari, 1965. P. 71.

12. *Yates Fr. A.* The Hermetic Tradition in Renaissance Science // Art, Science and History in the Renaissance. Baltimore, 1968. P. 261.

каких-то, пусть в чисто гипотетическом виде, в форме набросков, технологических проектов путешествий из одного мира в другой. Ведь подобные проекты уже существовали в его эпоху и даже раньше (Леонардо, Годвин, Сирано де Бержерак). И, действительно, зачем разрабатывать технику космических полетов, если миры, то есть все небесные тела, согласно Бруно, суть существа одушевленные и, как следствие, могут сближаться между собой посредством собственных жизненных сил, в точности так, как это делают земные существа? Из этого мы делаем заключение, что, вопреки мнению Ф. А. Йейтс, герметический анимизм скорее мешает развитию техники и науки.

Тем не менее — и в этом парадокс, который нам особенно интересен — наблюдения и даже выводы Ф. А. Йейтс и сторонников ее тезиса также верны. Первое наблюдение данного типа таково: «Для Ди, — справедливо отмечает английский историк, — его механические операции... были частью того же мировоззрения, что и его попытки призывать ангелов с помощью каббалистической нумерологии»[13]. Другое верное наблюдение: у Агриппы механика была одним из типов математической магии. И третье: технические изобретения, как у Герона Александрийского, обусловлены волнующим смешением магии и науки. Именно так обстоит дело в случае Фабио Паолини, автора трактата «Hebdomades»[14]. Парадоксы этого типа ставят, с одной стороны, проблему истины в историческом исследовании, а, с другой, следующий вопрос: каким образом герметическая традиция влияла на научную жизнь и в каком направлении? Мы уже больше не можем изолировать историю науки от истории философии, как это было справедливо подчеркнуто Ч. Б. Шмиттом в отношении процитированной выше статьи Дж. М. Мак-Гвайра[15].

Подведем итоги. Итак, историографическое поле рассматриваемой проблемы структурировано следующими главными оппозициями:

1) история культуры/история науки;

2) история точных наук/история «бэконовских» наук (согласно Т. Куну);

3) жесткий рационализм/мягкий рационализм как две метаисторические позиции.

13. *Yates Fr. A.* The Hermetic Tradition in Renaissance Science. P. 259.

14. *Paolini F.* Hebdomades. Venise, 1589.

15. *Schmitt Ch. B.* Reappraisals in Renaissance Science. P. 213–214.

Религиозный фактор

Поскольку в своих истоках герметизм является «языческим гностицизмом» (Ф. А. Йейтс), безоговорочное одобрение анализируемого тезиса может привести к заключению, что решительный отказ от христианства благоприятствовал рождению современной науки. Но анализ сложной и конфликтной исторической ситуации показывает наличие довольно большого и важного социо-культурного пространства, где интересы религии и зарождающейся науки сходились перед вызовом герметизма. Действительно, натурализм Возрождения, близкий к герметической традиции, расширяет область естественного, практически стирая расстояние между природным и божественным. В таком натурализме поэтому скрывалась общая угроза и для религии, и для науки. Напротив, новая наука стремилась ограничить понятие естественного и способствовала тому, чтобы религия ставила барьеры для естественной, или натуральной магии, характерной для герметической традиции в целом. В таком контексте механическая наука казалась способной преградить дорогу герметизму — и антихристианскому, и антинаучному одновременно.

Итак, герметическая традиция ориентировала волю человека к новой практической и активистской установке сознания, тогда как христианская традиция маргинализировала герметизм, способствуя появлению современной науки. Хотя герметическая традиция играла свою определенную и положительную роль в этом процессе, христианство, обновившееся в эпоху Контрреформации, нанесло ей последний решающий удар, постепенно вытесняя ее из публично признанного пространства знания в культурный и социальный «андерграунд», характерный для оккультных течений последних столетий.

Авторизованный перевод с французского Елены Шаповаловой

Библиография

Йейтс Ф. Джордано Бруно и герметическая традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2000.

Койре А. От замкнутого мира к бесконечной вселенной. М.: Логос, 2001.

Jejts F. Dzhordano Bruno i germeticheskaja tradicija. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2000.

Kojre A. Ot zamknutogo mira k beskonechnoj vselennoj. M.: Logos, 2001.

Garin E. La cultura filosofica del Rinascimento italiano. Ricerche e documenti. Firenze, 1979.

Garin E. Scienza e vita civile nel Rinascimento italiano. Bari, 1965.

Koyré A. Du monde clos à l'univers infini/Trad. de l'anglais par R. Tarr. 1962.

McGuire J. E. Neoplatonism and Active Principles: Newton and the Corpus Hermeticum // Westman R. S., McGuire J. E. (eds.) Hermeticism and the Scientific Revolution. Los Angeles, 1977.

Paolini F. Hebdomades. Venise, 1589.

*Schmitt Ch. B. R*eappraisals in Renaissance Science // Studies in Renaissance Philosophy and Sciences. 1981.

Yates Fr. A. Giordano Bruno and the Hermetic Tradition. Chicago, 1964.

Yates Fr. A. The Hermetic Tradition in Renaissance Science // Art, Science and History in the Renaissance. Baltimore, 1968.

Zoubov V. *P.* Le soleil dans l'oeuvre scientifique de Léonard de Vinci // Le Soleil à la Renaissance. Science et mythes. Bruxelles, Paris, 1965.